
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

ЧТО ТАКОЕ «ПАСТЫРСКАЯ КУЛЬТУРА»?

В течение 50-х и 60-х годов XX в области Верхнего и Среднего Поднепровья были обнаружены и исследованы многочисленные неизвестные ранее древности второй и третьей четверти I тысячелетия н. э. — преимущественно места поселений, а также могильники с трупосожжениями. Данные, полученные в результате их изучения, коренным образом изменили наши представления о картине исторического процесса в области, ставшей вскоре основным плацдармом формирования древнерусской народности и ее государственности.

В Среднем Поднепровье, где в III—IV вв. были распространены черняховские поселения, эти древности относятся лишь к третьей четверти I тысячелетия н. э. Они полностью или частично заполняют интервал между памятниками черняховской и древнерусской культур. При этом с первыми они не имеют, по сути дела, ничего общего, тогда как древнерусская культура по всем основным признакам связывается с культурой третьей четверти I тысячелетия н. э. — своим непосредственным генетическим предшественником. Лучшее всего среднеднепровские древности третьей четверти I тысячелетия н. э. известны сейчас по публикациям раскопок, произведенных в низовьях Тясмина Д. Т. Березовцом и В. П. Петровым. Оба исследователя не сомневались, что имеют дело с памятниками славянской раннесредневековой культуры¹. Такие же древности, нередко называемые пеньковскими по имени с. Пеньковка в низовьях Тясмина, также интерпретированные, найдены в Надпорожье, в поречье Роси и во многих других местах днепровского Правобережья и Левобережья, в смежном с Поднепровьем поречье Южного Буга и поречье Днестра.

В средней части Среднего Поднепровья, около Киева и вблизи устьев Ирпеня и Тетерева, т. е. в местностях, лежащих к северу от черняховских рубежей, хронология интересующих нас древностей оказалась иной. Они относятся здесь не только к третьей четверти I тысячелетия н. э., но и к предшествующим столетиям. Украинскими археологами эти более ранние древности названы «киевским типом»². Их изучение показало, что наиболее архаичные памятники «киевского типа» убедительно увязываются с предшествующими им древностями зарубинецкой культуры — ее поздним этапом, датируемым двумя первыми веками нашей эры на основании позднелатенских и «глазчатых» фибул, а также других находок.

Такая же, в основных чертах, картина выявилась и в более северных областях. В пределах Гомельского и Могилевского Поднепровья заруби-

¹ Д. Т. Березовец. Поселения улечей на Тясмине. МИА, 108, 1963; Могильники улечей у долины р. Тясмину. Слав'яно-руські старожитності. Київ, 1969; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. МИА, 108.

² В. Н. Даниленко. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра. КСИАУ, 4, 1955; В. Н. Даниленко, В. П. Дудкин, В. А. Круц. Археолого-магнитная разведка в Киевской обл. Сб. «Археологические исследования на Украине», I. Киев, 1967.

нецкая культура типа Чаплинских городища и могильника сменяется культурой, представленной поселением и могильником Обидня (Абидня), которые датируются подвязными фибулами и предметами римского импорта II—IV вв. Дальнейшее развитие культуры характеризуют материалы Новобыховского, Нижнетощицкого могильников и Таймановского могильника и поселения³. Указать верхнюю хронологическую границу зарубинецкой культуры для этой части Поднепровья представляется весьма затруднительным, так как зарубинецкие традиции в характере поселений и жилищ, в погребальной обрядности, в формах керамики и др. отчетливо ощущались здесь не только во второй четверти, но и в середине I тысячелетия н. э.

В 1968 г. мною была опубликована таблица археологических памятников, отражающая преемственность развития культуры во второй и третьей четвертях I тысячелетия н. э. в поречье Десны⁴. Теперь, спустя три сезона полевых исследований на берегах Десны (1968—1970), стало очевидным, что выводы, сделанные на основании этой таблицы, являются совершенно правильными. Новые материалы позволяют более обстоятельно и детально обрисовать преемственное развитие культуры деснинского населения, начиная от зарубинецкого и позднезарубинецкого (почепского) ее этапов, к культуре второй четверти I тысячелетия н. э. (датируемой подвязными фибулами), в которой обильно представлены зарубинецкие реминисценции, и далее — к культуре третьей четверти I тысячелетия н. э.

Таким образом, совокупность новых данных, полученных в различных областях Среднего и Верхнего Поднепровья, свидетельствует о том, что огромный массив зарубинецкого населения отнюдь не исчез с исторической сцены в начале нашей эры, а продолжал свою жизнь в Поднепровье в местностях, лежащих к северу от черняховского ареала. После крушения черняховской оседлости это многочисленное население, составившее окраинные, наиболее восточные раннеславянские группировки, значительно расширило свою территорию в южном направлении. Движение к югу наблюдалось в это время также и в среде более западных славянских группировок, занимавших область Волини («культура Корчак») и Поднепровье (рис. 1).

Насколько мне известно, среди археологов, специально изучающих интересующие нас днепровские древности в полевых условиях, сформулированный выше вывод не вызывает каких-либо серьезных сомнений и «разночтений». Более того, необходимо отметить, что археологи, работающие в различных названных выше областях Поднепровья, пришли к такому выводу независимо друг от друга. Но так как полевые исследования продолжаются, и большая часть добытых ими материалов пока что остается неопубликованной, некоторые археологи, не участвующие в этих работах, продолжают высказывать всякого рода догадки о древностях Поднепровья. Они исходят преимущественно из обветшалых представлений, некогда традиционных в славистике, но ничем археологически и по историческим данным не аргументированных, согласно которым славяне появились в Поднепровье откуда-то с запада лишь в третьей четверти I тысячелетия н. э. Они двигались здесь якобы навстречу кочевникам — гунно-болгарским племенам и аварам, тогда как западные славяне, по

³ Результаты раскопок указанных памятников остаются пока неопубликованными. Они известны по докладам на археологических конференциях и по кратким информациям в печати: Л. Д. П о б а л ь, А. Г. М и т р о ф а н а ў. Проблема расселения славян на территории Беларуси. Весті Акад. навук БССР, 2, 1966, сер. грамад. навук; Л. Д. П о б а л ь. Пошукі прабацькаўшчыны славян. «Младосць», 1969, 2; его же. Итоги изучения древностей железного века Белорусского Поднепровья. Древности Белоруссии. Минск, 1969, стр. 103—109.

⁴ П. Н. Т р е т ь я к о в. Зарубинецкая культура и поднепровские славяне. СА, 1969, 4.

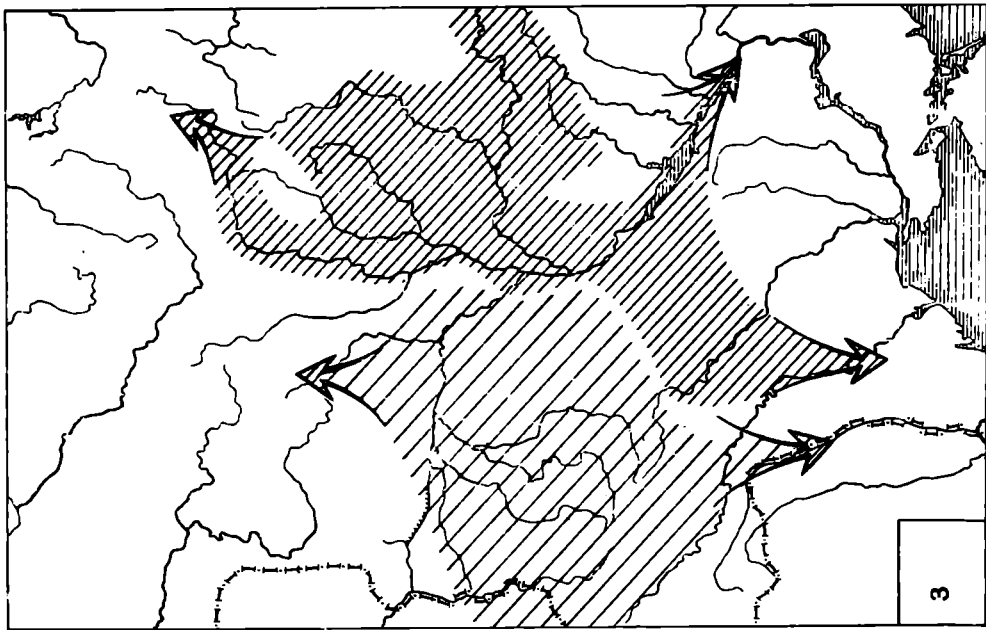
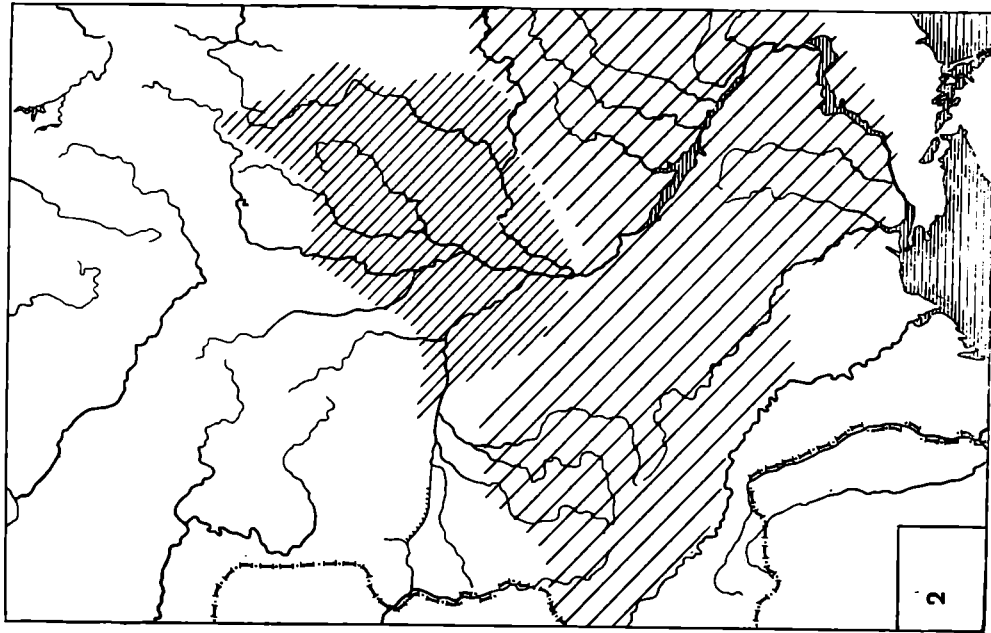
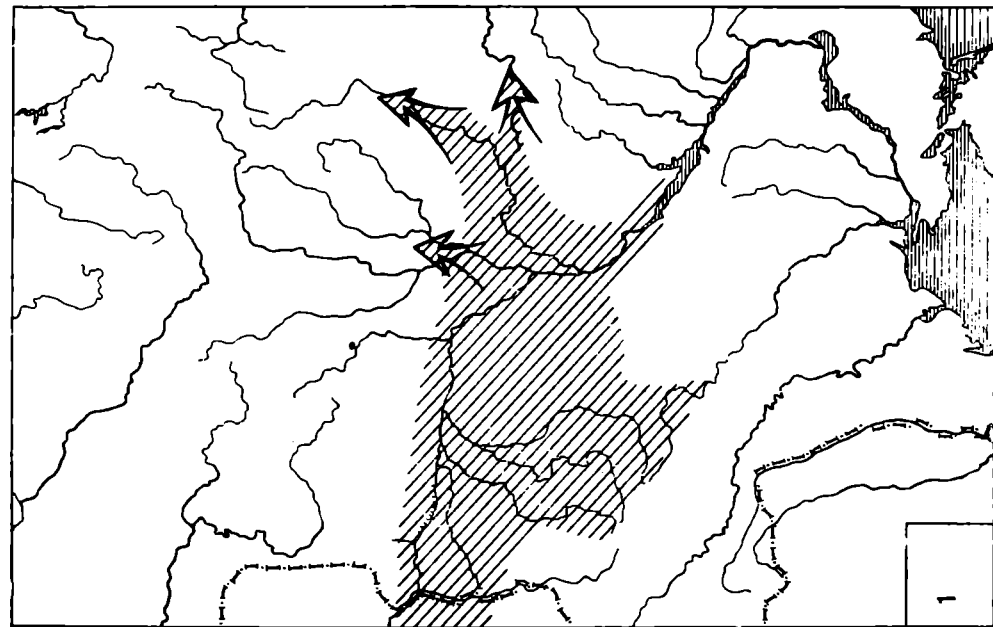

Рис. 1. Область распространения зарубинецких и раннеславянских древностей в Поднепровье

1 — в конце I тысячелетия до н. э. и первых веках н. э.; 2 — во второй четверти I тысячелетия н. э. (южнее обрисован ареал черняховских древностей); 3 — в третьей четверти I тысячелетия н. э. (западнее намечена область славянских древностей «культуры Корчак»)

мнению немецких, польских и чехословацких археологов, расселялись в это время в противоположном направлении!

Мысли о распространении славян в третьей четверти I тысячелетия н. э. с запада на восток придерживался покойный И. И. Ляпушкин, из нее же исходил в своей последней работе В. В. Седов. Нужно отметить, однако, что оба исследователя не сомневались, что древности третьей четверти I тысячелетия н. э., выявленные в Среднем Поднепровье Д. Т. Березовцом и другими лицами, принадлежали славянскому населению⁵. Этого взгляда не разделяет М. И. Артамонов. Среднеднепровские древности VI—VII вв.—поселения, клады и др.—он выделяет в особую культуру, названную им по имени известного Пастырского городища пастырской, и считает, что она принадлежала не славянам, а тюркоязычным племенам — болгарам-кутригурам. При этом предполагается, что славяне появились на Днепре лишь в последующее время. Статья М. И. Артамонова, где высказаны эти соображения, в известной мере близкие мысли Н. Феттиха о «мартыновской культуре», опубликована в болгарском журнале «Археология»⁶. Полагаю, что среди советских археологов М. И. Артамонов найдет мало последователей, но зарубежный читатель, плохо знакомый со среднеднепровскими древностями, может быть введен в заблуждение. Это обстоятельство заставляет меня ответить на вопрос: имеется ли в действительности и что представляет собой «пастырская культура»?

Итак, северные области Среднего Поднепровья и южная часть бассейна Верхнего Днепра, начиная с рубежа нашей эры, принадлежала обширной группе восточнославянских племен. В начале третьей четверти I тысячелетия н. э. вместе со своими более западными сородичами эти племена значительно расширили свою территорию в южном и юго-западном направлениях, что соответствует сообщениям древних авторов о движении славян-антов.

В пределах обширной области их расселения на севере и юге культура днепровских славян была более или менее одинаковой. Ее основными чертами, представленными в археологических материалах, являлись следующие: 1 — расположение поселений преимущественно на невысоких местах, нередко — на всхолмлениях в пределах речных пойм, недалеко от воды; 2 — квадратные в плане жилища-полуземлянки, размером 12—15 м² и колоколовидные хозяйственные ямы; 3 — в составе керамического материала наряду с выпуклобочками и широкогорлыми сосудами — посуда биконических и цилиндроконических форм, а также глиняные «сковороды». Огромные сосуды-зерновники вместе с другими данными (орудия труда), свидетельствующие о том, что земледелие занимало важнейшее место в экономике; 4 — в качестве основной формы предметов убора и украшения — бронзовые и железные фибулы; 5 — обряд погребения —

⁵ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 38—40 и др.; В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. МИА, 163, 1970. В. В. Седов высказывает предположение, что среднеднепровская славянская группировка является ответвлением северо-западного славянства (стр. 65—67). Об этом свидетельствует якобы некоторое сходство среднеднепровской биконической керамики VI—VII вв. с посудой славянских поселений междуречья нижнего течения Одера и Эльбы. Однако известно, что эти западнославянские поселения заведомо моложе днепровских! Жилища на этих поселениях совсем иные, чем в Поднепровье — не землянки. В то же время в Верхнем Поднепровье и северной части Среднего Поднепровья имеются прототипы не только биконических сосудов и жилищ-землянок, но и всех других элементов культуры среднеднепровских славянских поселений.

⁶ М. И. Артамонов. Этническая принадлежность и исторического значение пастырской культуры. «Археология», 1969, 3, София, стр. 1—9. См. также тезисы доклада: М. И. Артамонов. Восточные славяне и кочевники причерноморских степей. I Międzynarodowy kongres archeologii Słowiańskiej, II, Warszawa, 1969, стр. 355—358. Он же. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. Доклады Географического общ. СССР. Вып. 15, 1970.

сожжение с последующим захоронением остатков пережженных костей на «погребальном поле».

Конечно, в течение I тысячелетия н. э. эти признаки не оставались неизменными. Так, жилища-полуземлянки в Верхнем Поднепровье вплоть до середины I тысячелетия н. э. продолжали сохранять облик, характерный в этих областях для позднезарубинецкой культуры. Они не имели печей, а отапливались открытыми очагами, расположенными на полу в центральной части жилища. Часто жилища имели центральный столб, что также являлось старой традицией, унаследованной от древних зарубинецких жилищ больших размеров. Но в третьей четверти I тысячелетия н. э. господствующим типом жилища мало-помалу повсюду становится полуземлянка без центрального столба с печью в углу.

Во второй четверти I тысячелетия н. э. глиняная посуда во многом сохраняла зарубинецкий облик. Она лепилась от руки и разделялась на грубую кухонную и столовую — лощеную или сглаженную. Горшки (в том числе — зерновики), как и в зарубинецкое время, имели разные формы. Часто встречался биконический профиль с четким или закругленным ребром. Эта форма сосуда сохранялась вплоть до VI—VII вв., когда наибольший диаметр сосуда стал перемещаться ближе к его верхней части. Посуда приобретала форму, распространенную в более западных областях и обычную для славянского средневековья. Вплоть до середины I тысячелетия н. э. в быту сохранились цилиндрикоконические миски позднезарубинецкой (почепской) формы. Нередко они приобретали иные пропорции, превращаясь в высокие цилиндрикоконические горшки. Но в третьей четверти I тысячелетия н. э. цилиндрикоконические формы посуды встречались лишь как исключения. Они уже почти неизвестны на поселениях Среднего Поднепровья, куда славяне продвинулись после середины I тысячелетия н. э. Изменялись во времени формы фибул и других предметов убора и украшения.

Северным соседом днепровской славянской группировки являлись восточные балты. Этническим процессам, протекавшим на балто-славянском пограничье, основным содержанием которых была ассимиляция балтов славянами, посвящен ряд работ автора этой статьи⁷.

Южным соседом славян, продвинувшихся вниз по Днепру после середины I тысячелетия н. э., стали кочевники — давно обитавшие здесь сармато-аланские племена и появившиеся позднее гунно-болгарские племена. В их среде распространялась культура, основы которой в Северном Причерноморье были заложены, очевидно, сарматами, связанными с причерноморскими городами и черняховским миром. Древности этой «межплеменной» культуры, относящиеся к более позднему времени — концу I тысячелетия н. э., известны в археологии под наименованием салтово-маяцких.

Естественно, что в области славяно-кочевнического пограничья памятники славянской днепровской культуры третьей четверти I тысячелетия н. э., в какой-то мере перемешивались с элементами культуры, распространенными в более южных областях. Вот эту-то область контактов двух различных культур М. И. Артамонов и принял за особую «пастырскую культуру», принадлежавшую якобы болгарам-кутригурам, поглотившим сармато-аланский субстрат. К «этническим признакам» этой культуры он отнес не только то, что в действительности связывалось с кочевническим Югом, но и то, что было присуще днепровским славянам — характер их поселений с квадратными землянками, расположенных на невысоких местах недалеко от воды, лепную посуду биконических форм и все те среднеднепровские предметы убора и украшения, составляющие

⁷ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 230—237, 273—285; его же. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, стр. 52—71 и др. работы.

нередко клады, которые А. А. Спицын в 20-х годах называл «древностями антов», а Б. А. Рыбаков позднее переименовал в «древности русов».

Славянские среднеднепровские поселения, располагавшиеся преимущественно на невысоких местах, М. И. Артамонов рассматривает без каких-либо оснований в качестве становищ кочевого и полукочевого населения. Но такие же точно поселения с такими же землянками, начиная с позднезарубинецкого времени, господствовали не только в приднепровской лесостепи, но и повсюду в лесном Поднепровье вплоть до Могилевщины и Брянщины на севере. Становища кочевников, изученные в последнее время С. А. Плетневой, имели совсем иной облик, и жилищем у кочевников являлись круглые в плане юрты, а не квадратные полуземлянки. Остатки юрты на днепровском поселении в низовьях Тясмина встречены, быть может, лишь в одном случае — в Стецовке. Но, возможно, что это была и не юрта, а языческое святилище, подобное святилищам верхнеднепровских балтов.

Здесь, при интерпретации поселений, М. И. Артамонов повторил ошибку, до недавнего времени очень распространенную среди археологов. Предполагалось, что поселениями древних славян обязательно должны быть городища. Это ошибочное предположение на несколько десятков лет затормозило изучение первобытной и раннесредневековой славянской культуры.

Не смутило М. И. Артамонова и то, что для лепной кухонной керамики «пастырской культуры» были особенно характерны биконические формы, а на гончарном круге в этой «культуре» выделялись совсем другие — низкие округлобокие горшки. Их лепные прототипы известны на востоке — в Нижнем и Среднем Поволжье, где никаких биконических форм не найдено.

Археологи знают немало случаев, когда в полосе контактов двух этнических групп со временем создается особая гибридная культура. Контакты славянской и кочевнической культур в Поднепровье протекали в пределах достаточно широкой полосы, но их продолжительность к VII в. была незначительной. Поэтому во всех частях этой полосы в подавляющем большинстве случаев славянские древности без труда отделяются от кочевнических. Здесь не было смешанной, тем более — гибридной культуры, а имелись лишь местности, в пределах которых славянское и неславянское население жило близко друг к другу, иногда чересполосно, но всегда сохраняя свою специфику. При этом в славянскую среду попадали лишь отдельные предметы, изготавливаемые ремесленниками, обслуживающими в это время кочевнический мир.

Одной из местностей, входившей в полосу контактов, было Надпорожье. А. Т. Смиленко указывает здесь более десяти пунктов с остатками славянской культуры пеньковского типа, большинство которых было обнаружено А. В. Бодянским. На поселениях имелись обычные полуземлянки; здесь были могильники с трупосожжениями. Керамика, нередко биконическая, изготовлялась от руки. Найдено немало бронзовых предметов убора и украшения, относящихся к типам «древностей антов».

В этой же местности, но преимущественно южнее славянских поселений, имеются памятники культуры другого типа. Это остатки поселков гончаров в балке Канцерка близ с. Федоровки и около с. Любимовки. Гончары изготовляли на гончарном круге посуду с узорами из пролощенных линий, распространенную в третьей четверти I тысячелетия н. э. среди сармато-аланского и болгарского кочевого населения⁸. Отдельные такие сосуды попадали, что и естественно, в славянскую среду. Кем являлись ремесленники и гончары по племенной принадлежности — неизвестно. Но о том, что они были не славянами, свидетельствуют их боль-

⁸ А. Т. Смиленко. Осіле населення степового Подніпров'я в ранне Середньовіччя. «Археологія», XXII. Київ, 1969, стр. 162—170.

шие жилища, совсем непохожие на славянские. Здесь же в Надпорожье у с. Вознесенки находилось известное погребальное сооружение, часто рассматриваемое археологами в качестве могилы знатного и богатого славянского вождя, но, по-видимому, так же как и Глодосское погребение или Ново-Покровский и другие аналогичные могильники, принадлежавшее каким-то кочевникам, можно думать, — тюркам.

Поселком ремесленников — гончаров, ювелиров и кузнецов — являлось Пастырокое поселение, расположенное на Правобережье в бассейне Тясмина на берегах р. Сухой Ташлык. Пастырские гончары выделывали на гончарном круге выпуклобокие горшки, украшенные пролощенными линиями, относящиеся к посуде, распространенной в более южных кочевнических областях. Но многие обитатели поселения, живущие в квадратных землянках с печью в углу, нередко пользовались также и посудой ручной лепки, обычной, как и квадратные землянки, для всех окрестных славянских сельских поселений. При раскопках этих поселений (Пеньковка, Стецовка, поселения на Южном Буге) посуда, сделанная на гончарном круге, составляет лишь ничтожный процент керамического материала. А в более северных местностях Правобережья она вовсе не встречается. То, что Пастырское городище находится в окружении славянских поселений и что на нем открыты остатки жилищ славянского типа, позволяет связывать его прежде всего со славянской средой. Но продукция пастырских ремесленников была рассчитана, очевидно, и на кочевническую периферию.

Контакты славян с югом и юго-востоком по материалам керамики обнаруживаются и в северной части среднеднепровского Левобережья. Здесь имеются древности так называемой волынцевской культуры, поселения, расположенные на невысоких местах с характерными квадратными землянками и бескурганые могильники с трупосожжениями. Среди волынцевской керамики, вылепленной от руки, встречаются сосуды, сделанные на гончарном круге, с узорами из пролощенных линий, напоминающие посуду, изготовляющуюся пастырскими гончарами. Но в целом, волынцевские поселения нельзя исключить из славянской раннесредневековой культуры, и в этом никто не сомневался. Д. Т. Березовец полагал, что славянские волынцевские поселения старше городищ роменской культуры⁹. С ним не соглашался И. И. Ляпушкин, по мнению которого нет оснований выделять волынцевские поселения в особую группу, по времени отличавшуюся от роменской¹⁰. Трудно сказать, кто прав в этом споре — имеется очень мало материалов для его решения. Но, по-видимому, прав все же Д. Т. Березовец. Сделанная на гончарном круге волынцевская керамика должна быть датирована VIII—IX вв., тогда как роменские городища относятся в основном к IX—X вв. На них также встречается в небольшом числе кружальная керамика южного происхождения, но не такая, как на волынцевских поселениях, а салтово-маяцкая IX—X вв. Находки такой керамики особенно обильны на городищах Верхнего Подонья — Боршевском и др.¹¹

В последнее время в лесостепном днепровском левобережье начали обнаруживаться славянские древности, близкие пеньковским, более ранние, чем волынцевские — VI—VII в.¹² Они определили нижнюю хронологическую границу волынцевских поселений.

Таким образом, судя по керамике, контакты среднеднепровских славян с югом несомненно имели место. Но при этом они отнюдь не меняли лица

⁹ Д. Т. Березовец. До питання про літописних сіверян. «Археологія», VIII, 1953.

¹⁰ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках волынцевского типа. СА, XXIX—XXX, 1959.

¹¹ П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков. Древнерусские поселения на Дону. МИА, 8, 1948, стр. 41—44.

¹² В. А. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в днепровской левобережной лесостепи. Сб. «Славяне и Русь», М., 1968.

славянской культуры, не создавали какой-то особой третьей культуры. Они были результатом рыночных связей, при этом не столько непосредственно с кочевниками, сколько с обитателями тех ремесленных поселков, которые обслуживали кочевников и этническое лицо которых сейчас еще невозможно определить. Между кочевниками и славянами существовали, несомненно, и другие, так сказать,—политические связи; славянское население являлось при этом страдающей стороной. Эти «связи» делали славян данниками кочевников, несли с собой разорение, а нередко и гибель.

Но как могло получиться, что грубая лепная посуда среднеднепровских поселений, нередко имевшая, как указывалось, биконический профиль,

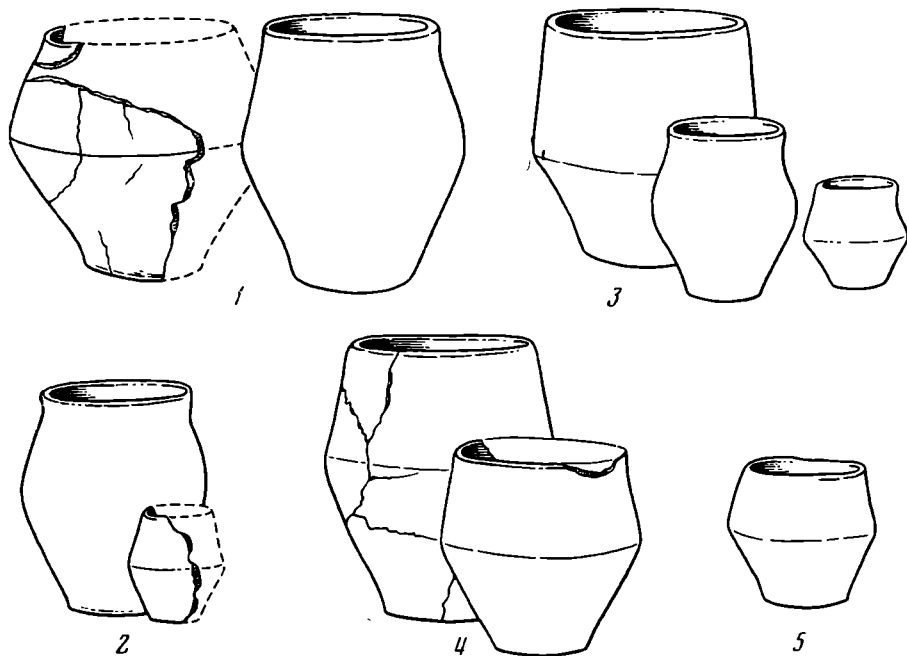

Рис. 2. Керамика биконических форм из поселений и могильников Верхнего Поднепровья и поречья р. Десны

1 — селище Колодезный бугор около с. Смяч Новгород-Северского р-на Черниговской обл. (II—III вв. н. э.); 2 — селище Лавриков лес у с. Дехтеревка того же р-на (середина I тысячелетия н. э.); 3 — селище у д. Тайманово Выховского р-на Могилевской обл. (середина и третья четверть I тысячелетия н. э.); 4 — Новобыховский могильник того же р-на (середина и третья четверть I тысячелетия н. э.); 5 — Кветунский могильник

нигде не известная в более восточных областях, где бесспорно некогда были болгары, также оказалась у М. И. Артамонова среди «этнических особенностей» болгар-кутригуров? В этом досадном недоразумении отчасти виновата И. П. Русанова, опубликовавшая недавно небольшую статью о днепровской керамике второй и третьей четверти I тысячелетия н. э., ошибочными выводами которой воспользовался М. И. Артамонов.

В этой статье сравниваются формы керамики из Верхнего и Среднего Поднепровья на основании опубликованных материалов, как указано выше,—крайне неполных, и делается вывод, что для первой области были характерны цилиндроконические сосуды, а для второй — биконические. Цилиндроконическую форму И. П. Русанова отдает в этой статье верхнеднепровским балтам. О биконических сосудах она говорит весьма туманно, как о принадлежащих, возможно, «славянской культуре южного ареала»¹³, но отнюдь, конечно, не кочевникам-болгарам. И. П. Русанова

¹³ И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968.

по керамике ошибочно обрисовала в Среднем Поднепровье особый культурный ареал, а М. И. Артамонов некритически интерпретировал его, как кутригурский, хотя, повторяю, никаких оснований для этого не имеется.

Как уже указывалось выше, биконические сосуды были характерны не только для Среднего Поднепровья VI—VII вв., но и для Верхнего Поднепровья, где они встречались начиная с первых веков нашей эры. Они известны в Новобыховском могильнике, в Тайманове, в Посудичах и Смольяни, в Кветунском могильнике. В матерналах, полученных раскопками последних лет на Десне в районе Новгород-Северского и Сосницы, биконические сосуды (в том числе огромные зерновики) повсюду обычны, как для второй, так и третьей четверти I тысячелетия н. э. (рис. 2). Что касается цилиндрикоконических сосудов, то в массе, как указано выше, они относятся лишь ко второй четверти и середине I тысячелетия н. э. и поэтому за несколькими исключениями их нет в Среднем Поднепровье.

Находки биконических сосудов далеко на юго-западе от Среднего Поднепровья — в Побужье и Нижнем Поднестровье — это отнюдь не следы болгар, продвинувшихся сюда из Поднепровья, как предполагает М. И. Артамонов, а следы расселения славян-антов, которое предшествовало появлению на Дунае болгар Аспаруха. В юго-западных местностях, как и на Среднем Днепре, биконическая керамика встречается в нижних слоях поселений с квадратными полуземлянками, по всем основным признакам принадлежавших к славянской раннесредневековой культуре.

Происходящие из Среднего Поднепровья предметы убора и украшения из бронзы и серебра третьей четверти I тысячелетия н. э., составляющие нередко богатые клады, давно привлекают к себе внимание археологов. Им посвящена значительная литература — отечественная и зарубежная. Но до недавнего времени не было известно — обитателям каких поселений принадлежали эти эффектные предметы, с какой культурой они связываются. То, что множество их было найдено на Пастырском городище, ничего не разъясняло, так как само городище до раскопок 50-х гг. составляло загадку. Многие исследователи приписывали эти предметы кочевническому населению. Большинство украинских археологов, а также А. А. Спицын, Б. А. Рыбаков и др. связывали эти предметы со славянской культурой. Против принадлежности их кочевникам решительно выступала в 1955 г. Г. Ф. Корзухина, много лет специально занимавшаяся этим археологическим материалом, хотя вопрос о племенной принадлежности его оседлых «владельцев» она не считала до конца ясным¹⁴. Сейчас М. И. Артамонов связал все эти предметы и клады с «пастырской культурой» болгар-кутригуров!

По своему происхождению среднеднепровские предметы убора и украшения третьей четверти I тысячелетия н. э. представляют, как известно, очень сложный и разнообразный набор. Истоки одних предметов отыскиваются в Южной Прибалтике, других — в городах Причерноморья, третьих — в кочевнической среде — сармато-аланской и тюркской, четвертые имеют, возможно, местное происхождение. Предметы отдельных типов были распространены в VI—VII вв. у аланов на Северном Кавказе, у крымских готов, даже у финно-угров в Поволжье и Южном Приуралье. Широкое распространение, особенно в кочевнической среде, имели металлические бляшки поясных наборов, являющиеся принадлежностью мужского костюма. Отдельные находки украшений (обычно фибул) делались в Среднем Поднепровье в погребениях с трупоположениями — явно неславянских. Эти случаи перечислены в разбираемой здесь статье М. И. Артамонова¹⁵.

¹⁴ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. СА, XXII, 1955, стр. 68.

¹⁵ М. И. Артамонов. Этническая принадлежность. стр. 5.

Вместе с тем в настоящее время стало очевидным, что большинство находок этих предметов, в частности кладов, связывается в Среднем Поднепровье с местностями, где были обнаружены остатки поселений с квадратными полуземлянками и лепной керамикой, рассматриваемые здесь как славянские пеньковского типа. Более того, интересующие нас предметы убора и украшения неоднократно были находимы при раскопках на этих поселениях. Такие находки, не вызывающие никаких сомнений, делались в поречье Тясмина и на берегах Южного Буга¹⁶. Имеются сведения, что Новый Суджанский клад (1948 г.), состоящий из нескольких пальчатых фибул, двуспиральных («очковидных») височных подвесок, круглых и трапециевидных подвесок и др., был найден на территории селенца с лепной славянской керамикой¹⁷.

Исследователи уже не раз обращали внимание на то, что в материалах среднеднепровских кладов прослеживается более или менее устойчивый комплекс предметов, свидетельствующий об определенном уборе костюма и при этом костюма отнюдь не кочевнического, тем более не тюркского. Древности кочевников третьей четверти I тысячелетия н. э. в южных областях Восточной Европы достаточно хорошо известны. Отдельные предметы убора и украшения интересующих нас типов в их составе обычны. Но нигде в кочевнической среде, сармато-аланской и тюркской, не было ничего похожего на среднеднепровский набор украшений. Он отнюдь не соответствовал кочевническому костюму. Если принять точку зрения М. И. Артамонова, придется признать, что в Среднем Поднепровье жили такие тюрки-болгары (пусть поглотившие аланский субстрат), которые в среде кочевнического населения нашего юга в полном смысле слова были белой вороной.

Главными слагаемыми среднеднепровского набора украшений являлись, как известно, фибулы — «пальчатые» и пастырских типов (зооморфные и антропоморфные), браслеты — полые и проволочные с утолщенными концами, шейные гривны и ожерелья из бус и медальонов, трапециевидные подвески, бляшки поясного набора, наконец — височные кольца и подвески («очковидные») со спиральями. Фибул в составе убора было две. Перед нами средневропейский убор, распространившийся в латенское время и появившийся в Поднепровье вместе с зарубинецким населением. В частности, недавно выяснилось, что двуспиральные («очковидные») подвески, точно такие же, как происходящие из кладов VI—VII вв., но более миниатюрные, были распространены в Верхнем и Среднем Поднепровье в позднезарубинецкое время¹⁸. С зарубинецкого периода были широко распространены здесь и трапециевидные подвески. Парные фибулы — характерная черта зарубинецкого костюма — одна из латенских реминисценций в зарубинецкой культуре.

Вместе с тем в археологической литературе не раз указывалось, что среднеднепровский набор украшений VI—VII вв. так или иначе перекликается с древнерусским. Правда, фибул в древнерусское время не носили — «эпоха фибул» уже миновала. Но другие украшения в той или иной мере сохранялись. На это обращал внимание А. А. Спицын, говоря о «древностях антов»¹⁹. По мнению Б. А. Рыбакова, спиральные височные украшения VI—VII вв. имели своим прямым потомком спиральные височные подвески северянского типа²⁰.

¹⁶ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на Тясмине, стр. 154, 164; П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, 108, стр. 321, 335.

¹⁷ Ю. А. Липкин. О чем рассказывают курганы. Воронеж, 1966, стр. 49.

¹⁸ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 139; А. П. Савчук. Поселения зарубинецкой культуры на р. Трубеж. МИА, 160, 1969, стр. 84.

¹⁹ А. А. Спицын. Древности антов. Сборник в честь А. И. Соболевского, Л., 1928.

²⁰ Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 68.

Выше речь шла о том, что среднеднепровские поселения пеньковского типа представляют собой южную группу славянских поселений VI—VII вв., распространенных на обширном пространстве Среднего и Верхнего Поднепровья. Указывалось, что на всем этом пространстве характер поселений, жилищ, керамики и пр. был в основных чертах одинаков. Так почему же в таком случае интересующий нас набор украшений связывается лишь с лесостепным Поднепровьем? Быть может, он свидетельствует все же об этническом своеобразии жившего здесь населения? Это, однако, не так; разясняя эти вопросы, следует иметь в виду следующие факты.

Во первых, если основной ассортимент украшений, как указано, являлся для Поднепровья традиционным, то формы ряда вещей, в частности фибул, были, естественно, продуктом своего времени, отражали растущие экономические и культурные связи раннего средневековья. Ясно при этом, что связи эти являлись особенно интенсивными у южных,двигающихся к югу группировок днепровских славян. Именно в их среде прежде всего и сложился комплекс «древностей антов», включавший в себя много форм вещей, распространенных в южных областях, в частности и у кочевников (наборные пояса). Но в той или иной мере эти вещи были распространены и среди более северных группировок днепровских славян. Так, предметы убора и украшения, полученные В. А. Падиным в результате раскопок могильника с трупосожжением около с. Усох на Верхней Десне, т. е. далеко на севере, несомненно примыкают к «древностям антов»²¹. В Верхнем Поднепровье есть немало и отдельных находок таких вещей. Но в славянской среде Верхнего Поднепровья неизбежно распространялись также и предметы убора балтийских типов; южных вещей там было, очевидно, меньше, чем в Среднем Поднепровье.

Во вторых, множество находок предметов убора и украшения VI—VII вв. в лесостепном Поднепровье объясняется не столько их особенным обилием в быту местного населения, сколько специфическими условиями его жизни. На Пастырском городище такие предметы имелись во множестве лишь потому, что это ремесленное поселение погибло в результате военного разгрома и связанного с ним пожара. Многочисленные клады также являются следствием той беспокойной обстановки, которая была присуща славяно-кочевническому пограничью. М. И. Артамонов полагает, что среднеднепровские болгары-кутригуры были разгромлены хазарами, после чего они и отошли на Дунай. Было это в 70-х годах VII в.

Однако к VII в. возможно отнести лишь часть среднеднепровских кладов. Их преобладающее число, судя по ряду данных, было зарыто позднее — в начале VIII в., когда никаких кутригуров в Поднепровье уже не могло быть. В это же время было разгромлено и Пастырское поселение. Более того, имеются клады и более поздние — VIII и начала IX в., по своему составу сохраняющие характер «древностей антов». Поэтому есть все основания присоединиться к мнению Г. Ф. Корзухиной, высказанному в 1955 г. Она убедительно связывала тогда основную часть среднеднепровских кладов с активностью Хазарского каганата «в отношении славянских племен»²².

Но если биконическая керамика поднепровских славян, сделанная в домашних условиях, землянки, погребальная обрядность были их характерными этнографическими особенностями, то предметы убора и украшения, являвшиеся продукцией ремесленников, в качестве этнографического признака выступают лишь в комплексе, в уборе костюма. Лишь некоторые из них возможно рассматривать как специфические для днепровских славян.

²¹ В. А. П а д и н. Раннеславянские поселения и могильники в районе Трубчевска. СА, 1960, 3.

²² Г. Ф. К о р з у х и н а. Ук. соч., стр. 79.

Итак, никакой «пастырской культуры», принадлежавшей народу со своими этнографическими признаками»²³, в действительности не существовало. В эту «культуру» М. И. Артамоновым были включены древности южных окраин земли днепровских славян, в быту которых, что и естественно, имелись элементы южного происхождения — кружальная керамика, некоторые предметы убора. Но они отнюдь не изменяли лица культуры днепровских славян, в основных чертах одинаковой в VI—VII вв. на всем протяжении от Могилевщины и Брянщины на севере и до поречья Тясмина и Надпорожья на юге.

В эту «культуру» вошли также единичные неславянские ремесленные поселения и несколько неславянских погребений с трупоположениями. Те и другие располагались южнее и юго-восточнее местностей со славянскими поселениями и по ряду признаков без труда отличаются от славянских древностей. Автор не касался здесь вопроса о днестровской и волынской («культура Корчак») раннеславянских группировках. По-видимому их основой так же были зарубинецкие племена. Но история культуры протекала у них несколько иными путями, чем в Поднепровье.

P. N. Trétiakov

QU'EST-CE QUE C'EST QUE LA CULTURE DITE PASTYRIENNE?

Résumé

Dans son article l'auteur se prononce contre l'avis du Professeur M. I. Artamonov qui a réuni, dans les cadres d'une culture nommée par lui «une culture pastyrienne», de diverses antiquités remontant au Haut. Moyen Age et provenant des régions du cours moyen du Dniéper, entre autres celles d'un site de type de Penkovka. Le Professeur M. I. Artamonov attribue la culture pastyrienne aux Bulgares Cutrigures.

Selon l'auteur, les sites du type de Penkovka sont slaves. Ils font partie d'une grande quantité d'antiquités mises au jour non seulement dans le cours moyen du Dniéper mais aussi dans la zone méridionale du cours supérieur du Dniéper. A la première moitié du Ier millénaire de notre ère ces antiquités n'étaient répandues qu'au nord des limites de diffusion de la culture de Tcherniakhovo, c'est-à dire dans la partie beréale de la région de Kiev et dans les régions de Gomel, Moghilev, Tchernigov et Briansk. A partir de la seconde moitié du Ier millénaire de notre ère les Slaves orientaux abandonnèrent ces régions, se répandirent dans la direction méridionale ayant occupé les steppes boisées situées au cours moyen du Dniéper et s'avancèrent dans les régions attenantes au Bug Méridional et au cours inférieur du Dniester. C'est à cette population qu'appartiennent des objets de parures et de décorations dont, parfois, étaient composés de riches trésors. Dans les 20-mes années A. A. Spitsyne les a appelés «les antiquités des Antes».

²³ М. И. Артамонов. Ук. соч., стр. 7.